

ГОРОД КАК ТЕКСТ

CITY AS A TEXT

УДК 911

DOI: 10.31249/chel/2022.01.03

Окунев И.Ю.⁽¹⁾, Остапенко Г.И.⁽²⁾

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВА В ПРОГРАММЕ СЕМИОТИКИ СТОЛИЦ[©]

*^{(1),(2)} Московский государственный институт международных
отношений МИД России, Россия, Москва,
e-mail: iokunev@mgimo.ru,
e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В статье представлена модель геохронополитических трансформаций, которая легла в основу семиотики столиц, и произведен разбор концепта «восприятие пространства» на примере столичности. В терминах восприятия пространства авторами представлено видение анализа пространственных феноменов посредством модели и показан возможный путь их закрепления и последующей институционализации. В завершение работы авторы дают критическое осмысление перспектив совмещения модели трансформаций с концепцией палимпсеста.

Ключевые слова: восприятие пространства; геохронополитические трансформации; столицы; нарратив; семиотика столиц.

Поступила: 17.09.2021

Принята к печати: 22.10.2021

Okunev I. Yu.⁽¹⁾, Ostapenko G.I.⁽²⁾

Space perception in the program of capital cities semiotics[©]

^{(1),(2)} *Moscow State Institute of International Relations,*

MGIMO University, Russia, Moscow,

e-mail: iokunev@mgimo.ru,

e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

Abstract. The authors present a model of geochronopolitical transformations which formed the basis of the semiotics of capital cities. They also consider the case of capitalness to analyze the concept of “space perception”. In terms of space perception the authors present a new option for the analysis of spatial phenomena by means of modeling and demonstrate a possible way of their entrenchment and subsequent institutionalization. At the end of the paper, the authors provide a critical insight into the prospects of combining the transformation model with the palimpsest concept.

Keywords: space perception; geochronopolitical transformations; capital cities; narrative; semiotics of capital cities.

Received: 17.09.2021

Accepted: 22.10.2021

В мире абсолютного и относительного пространства реально мы воспринимаем лишь последнее. Абсолютное пространство «необитаемо» без человека, не воспринимаемо и наделено исключительно физическими свойствами [Окунев, 2017, с. 49].

«Сконструированная» реальность относительного пространства имеет значение: мы живем им. Относительное пространство показывает «вес» наших пространственных связей. С определенной долей условности можно сравнивать, например, транспортную доступность различных населенных пунктов, их пространственное развитие, пространственный потенциал. В этой логике важны смыслы, которыми мы атрибутируем пространство [там же, с. 49].

Вариативность в человеческом восприятии создает, генерирует множественность «пространственных миров», а именно: человек, обладая уникальным пространственным опытом, воспринимает пространство только ему присущим способом. В действительности наше восприятие не так разнообразно. Множественность миров подвергается редукции и сводима к некоторым шаблонам, которые

возникают по разным причинам: городской повседневности, особенностям ландшафта и путей проницаемости.

Подобное шаблонное мышление для столиц не вполне уместно при схожести принципов функционирования: пространственная интерпретация работает иначе. Инаковость выражается в механизме геохронополитических трансформаций, которые ответственны за формирование нашего пространственного воображения [Окунев, 2012, с. 152–158]. Отсюда, предложенная нами ранее идея комплексного влияния на опыт восприятия пространства, апробированная в контексте столичности [Okunev, Ostapenko, 2020, р. 167–178], должна быть переосмыслена.

Сквозь призму нарративов в данной статье мы рассмотрим эффекты восприятия пространства, концепцию геохронополитических трансформаций, сопроводив наше видение проявлений столичности отсылкой к палимпсесту.

Уровни анализа пространства в столицеведении

Столицеведение как исследовательская область политической географии в настоящее время подвергается критическому переосмыслению. Вследствие этого политическая география обратилась к семиозису [Окунев, Остапенко, 2021, с. 20–34]. Так, в недавно созданном поле семиотики политической географии сформировались три различных исследовательских подхода (уровня исследований), каждый из которых требует собственного инструментального (методы) и терминологического аппарата.

Для начала продемонстрируем разделение на микро- и макро-подходы к исследованию пространств.

Наиболее широко распространен микроуровень исследований пространства. Этим подходом к пониманию пространственных связей и отношений пользуются многие социальные науки как в изучении городских пространств, города в целом, так и в комплексном исследовании кейсов столиц.

Для того чтобы охарактеризовать исследование в рамках данного подхода, необходимо сделать упор на пространственной идентичности жителей поселения, особенностях городского (сельского) ландшафта. В той же степени это деконструкция отдельных дискурсов локации.

Применение данного подхода наиболее оправдано в условиях малого города, там, где интенсивность фоновых событий и сложность дискурсов не так велика.

Пространственность подобных исследований обычно выражается явно. Особенно популярный у социологов метод построения ментальных карт местности или наиболее посещаемых мест города характеризует восприятие пространства информантом и может применяться также для исследований географов-семиотиков. Чаще всего выраженный посредством картоидов [Родман, 2010, с. 88–92] метод характеризует точки притяжения («hot spots» в терминологии пространственного анализа) в данной локации. Применяемая вкупе с концептограммами (концептуальными ментальными картами), подобными тем, что использует Дмитрий Замятин в рамках исследования городской идентичности Касимова (Рязанская область) [Замятин, 2010, с. 32; Митин, 2007, с. 5–26], данная методика изучения городской идентичности предоставляет большое количество информации для выявления маркеров формирования городского нарратива.

Макроуровень исследований пространства затрагивает наиболее крупные (крупномасштабные) символические и знаковые системы, чаще всего на субгосударственном (макрорегиональном), государственном и надгосударственном уровнях. Это могут быть пространственные мифы [Rousek, 1948, p. 421–427], отдельные сложносоставные дискурсы, пространственные предубеждения и стереотипы, представленные в виде нарратива (например, это уже не рассказ отдельного человека, а «рассказ», представленный от имени государственного органа, отдельных СМИ и т.д.), а также широко распространяемые / распространенные среди населения.

С символической точки зрения исследование карикатур в СМИ, геополитических кодов [Dijkink, 1998, p. 293–299], официальных доктринальных документов отдельных государств может стать предметом рассмотрения ученых-международников, специалистов в области политической коммуникации и семиотики.

Пространственность в рамках макроподхода является важной составляющей этих сложных феноменов, которая не может быть сведена к чисто политическим фактам и намерениям.

Нарратив, используемый в качестве основы для пространственного мифа, не может функционировать без территориальной

привязки. Однако исследование локальных нарративов меньшей сложности и меньшего, нежели государственный, масштаба, но содержащих несколько взаимосвязанных дискурсов, еще не охвачено рамками указанных подходов. Мы убеждены, что такой подход необходимо обозначить как промежуточный в нашей иерархии масштабов исследовательских предметов пространственности.

Это названный нами мезоуровень пространственных исследований. Этот подход сосредоточен на исследовании собственно городских локальных нарративов – городских историй и сюжетов – методами нарративного анализа [Patterson, Monroe, 1998, p. 315–331].

Принципиальное отличие от макроуровня заключается в масштабе предмета рассмотрения и количестве сюжетных (дискурсивных) линий. Различия с микроуровнем более серьезные. Методологически это уже отрефлексированный информантом опыт взаимодействия с пространством, дискурсом и нарративом, собранный посредством интервью или фокус-групп, нежели более «сырые» результаты анкетирования, ментального картирования, включенного наблюдения¹.

Пространственность в исследовании с позиций данного подхода манифестируется опосредованно в характерном стремлении исследователя получить от информантов пространственный нарратив в предельно явном виде (на основе предварительно операционализированных предположений исследователей), а также их оценку (рефлексию) как нарратива в целом, так и отдельных его положений и проявлений.

В типичном дизайне исследования мезоуровня (мезокосма) пространство конституируется имплицитно, но это компенсируется возможностью оценить конкретную интерпретационную модель (интерпретацию) пространства, что может быть отражено в качественном подходе к анализу текста.

Интерпретация пространства – модель восприятия пространства говорящим, расстановка пространственных приоритетов в пространстве; условное позиционирование, присвоение и атрибутирование / соотнесение пространственных весов – важности объекта в

¹ Отметим, что интервьюирование также может применяться и в рамках данного подхода, если проводится социологическое исследование идентичности.

пространстве [Остапенко, 2015, с. 97–101]. А последовательность в выражении интерпретации пространства также говорит о глубине проработки данного вопроса информантом, равно как и о доминировании отдельных дискурсов или конкуренции пространственных нарративов.

В городе Мышкине (Ярославская область) существуют два конкурирующих нарратива, связанных с поддержкой «столичного» (конкретного примера пространственного нарратива – в свете построения центр-периферийных отношений относительно «столицы») «мышинного» нарратива. Условно их можно обозначить как столичный, или мышеоптимистичный, и мышескептический. Их суть в поддержке воображаемой символической столичности и, как противовес, в отрицании необходимости в таком нарративе [Тисленко, 2015, с. 113–115; Юдин, Колошенко, 2014, с. 5–14; Максимова, 2014, с. 15–24].

Высказываясь на тему пространственного нарратива (а точнее, рассказывая его), информант сообщает свою интерпретацию пространства, основанную и сосредоточенную на результатах накопления пространственного опыта. Познание пространства респондентом индивидуально и лишь частично совпадает с конкретными представлениями других информантов (независимые условия сбора интервью), что можно проверить, предложив респондентам составить ментальные карты с общим заданием. Одним из возможных опциональных изменений в методологии может стать метод нескольких рассказов.

В столицеведении столица часто понимается как главное место свершений – привязывает точки политической и социальной активности к географической локации, продуцируя знаки, смыслы и символы, заявляющие о столичности места своего происхождения как статусном атрибуте, генерирующем уникальный контент [Овсянников, 2009, с. 110–115]. Изменение политического вектора видоизменяет такой контент. Происходит генерация, закрепление новых и размывание старых символов [Окунев, 2020, с. 94–96].

Любое географическое пространство наполнено символами и смыслами, столичность выступает в роли проявителя и закрепителя – материализатора знаковой коммуникативной (семиотической) системы столичного города. Отличительные столичные символы индуцируются специфическими качествами географического

пространства, создавая основу для пространственного нарратива. «Символический» актив столицы имеет человеческое измерение, благодаря чему происходит кодировка определенных образов, пространство используется в политических или экономических целях акторов. Символическое наполнение пространства имеет прагматическое значение и может быть эффективно эксплуатируемо с учетом ментальности населения и коллективной интерпретации столичного пространства.

С позиции гуманитарной географии представляет интерес то, как одно и то же место – географическая локация – может иметь разные интерпретации и идентификации в своей повседневной «эксплуатации». Иван Митин считает, что пространственные мифы создают места и конструируют идентичности в контексте различных представлений о реальном пространстве. Что является триггером-переключателем с уровня реальных фактических географических объектов на уровень представлений о них? Что взаимно переплетает сложившиеся нарративы и пространственные конфигурации, образуя новые слои восприятия, базирующиеся на старых представлениях и новых условиях одновременно? Является ли общим воздействующим фактором универсализация / деуникализация места и пространства? Ответы на эти вопросы лежат в плоскости семиозиса и дискурса [Митин, 2008, с. 20–25].

Восприятие пространства как геохронополитическая трансформация

Для понимания роли столицы в политике необходимо определить академическую рамку, которая бы обеспечивала объяснение пространственного фактора в политике. Политические и функциональные характеристики столицы дают социальные науки и родственные области политологии. Это большой пласт литературы, в рамках которой чаще всего используется позитивистский подход: максимально точное и широкое описание особенностей структуры столицы конкретной страны или группы стран, типология столиц и определение их разновидностей.

Столица – элемент пространственной организации. Наш пространственный опыт формирует наши представления об архетипах

идеальной столицы. Затем они переводятся в создание искусственных конструкций идеальной столицы государства.

Существуют два архетипа такой организации – центр, фокусирующий пространственные связи, и центральная точка пространства на наибольшем удалении от центральных пространственных узлов. Далее происходит процесс институционализации идеального образа столицы в пространственной структуре города и страны, а также правил и положений политической и территориальной организации государства и его символического пространства. Столичный город в реальности занимает политическое и функциональное место одновременно. Поэтому стоит выделить две особенности определений столицы.

Во-первых, столица – это важный административный и командный центр национального или регионального уровня. Во-вторых, столица – это город, занимающий ключевую / доминирующую позицию в артикуляционном действии и выполнении определенных полномочий на глобальном или меньшем уровне [Treivish, Zotova, Savchuk, 2014, p. 90–91].

У столиц есть три важных характеристики: социально-политический форум как средство формирования государственного дискурса; хаб для производства и распространения общественных благ и услуг; конфигурация символических ресурсов. Все три категории редко концентрировались в одной столице, что означает, что столица есть больше, чем результат целенаправленного моделирования определенными силами.

Столичность же имеет пространственное значение. Столичность – это неуправляемая «собственность» столицы. Иногда это свойство определяется исключительно за счет реализации функций столицы. Столичность можно определить как «позиционный параметр города, в котором находится национальная исполнительная власть, органы власти, судебная власть и администрация президента» [Овсянников, 2009, с. 110–115]. По мнению Овсянникова, в любом городе есть потенциал приобретения столичности после того, как он начнет размещать вышеупомянутые государственные учреждения.

В попытке зафиксировать столичность как повсеместное явление, основанное на наличии или отсутствии столичных качеств или черт в произвольном месте, подчеркивается институциональная

принадлежность. Для изучения символического содержания столицы как более многогранного явления используется сложный конструктивистский подход, наиболее пригодный для исследования символических составляющих политического процесса.

Такой подход рассматривает столицу как символическое оружие. Овсянников также предлагает другое определение столичности: «Построенный образ, основанный на уникальных отличительных качествах и характеристиках столицы» [Овсянников, 2009, с. 110–115]. Это удобный инструмент для добавления к рассмотрению еще одной пространственной компоненты – центр-периферийных отношений.

Пространственная конструкция подразумевает наличие узловых точек и зазоров, пространственных связей и удаленных территорий. Другими словами, имеется принцип дифференциации, которая идентифицирует потенциально центральные и периферические локации. Однако расположение столицы не предопределено только структурными институциональными факторами. В продолжение мысли о построении системы отношений «центр – периферия», мы следуем идее Рапорта, считавшего, что «в пространственной политике столица как символический центр противопоставляется провинциям или периферии» [Raport, 1989, p. 77–105].

Д. Замятин утверждает, что столичность является «онтологическим атрибутом, преобразующим природные объекты в мощный одиночный или дуалистический мифологический нарратив, наделенный сфокусированной сакральной энергией, лежащей в основе силы дискурса» [Замятин, 2013, с. 23–28]. Однако существование такого нарратива может быть основано на социально-политической и гражданской основе, а не только на основе физического пространства.

Учитывая символическую систему столиц, с точки зрения их функционирования можно выделить принцип действия механизма такой системы, который состоит в поддержании дискурса власти посредством визуального и эстетического. Переплетение и взаимопроникновение власти и общественных пространств сформировало среду для условий проявления нарратива, символически важного для обеих сторон [Росман, 2013, с. 66–88].

Подобный характер символической структуры позволяет нам отойти от общего определения столиц и подумать о них не

столько как о политических, сколько как о символических. В символическом, знаковом контексте столицы текст повествования как знаковая система важен, так как нарратив питает дискурс и дискурс работает на воспроизводство знаковой системы.

Для понимания пространственного влияния на символические проблемы и политику мы стремимся разработать модель пространственной геохронопластики, объясняющей политические преобразования, основанные на трех подходах: критической геополитики, социального конструктивизма и эволюционной морфологии. Построение схемы пространственного воздействия на политические процессы опирается на следующие положения:

1. Пространственная идентичность является следствием рассмотрения знания как конструкции, пространство само по себе является эндогенно социальной конструкцией [Окунев, 2017, с. 49].

2. Формы знания претерпевают изменения с развитием любого социокультурного и / или политического процесса во времени.

3. Знание пространства может быть предметом политики, подвергаться мифологизации, идеологизации, забвению.

Введем необходимые пояснения для понимания функционирования механизма трансформации.

Интерпретация пространства – это основной непрерывный процесс, лежащий в основе наличия геохронополитических преобразований. Этот процесс всегда присутствует на входе в определенный фрагмент предметного пространства, который находится во взаимодействии с дискурсом, а на выходе дает конкретные интерпретации пространства, созданного людьми, которые представляют собой наложенные ментальные слои на объективном пространстве. Пространство интерпретируется и в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, например, в политической или социокультурной сфере¹.

Теория геохронополитической трансформации пространства подразумевает уровень реализации политики, на котором данные о восприятии пространства людьми представлены как агрегированные и индивидуализированные одновременно. Процессы познания

¹ Например, в связи с движением армий [Окунев, Остапенко, 2017, с. 159–172].

окружающего пространства восходят от личности (трактовка окружающего пространства каждым индивидом) на коллективный уровень (группировка похожих взглядов индивидов).

Перечислим составляющие разработанной авторами данной статьи схемы пространственного воздействия на политические процессы. Схема включает пять этапов.

Нулевой этап подразумевает существование объективного пространства за пределами интересующего процесса. Вынесение за рамки основной схемы производится из-за отсутствия непосредственного влияния на дальнейшие процессы. Все успехи механизма передачи исходят косвенно из объективного пространства и развиваются в рамках предложенных архетипов, навязанных этим типом пространства. В качестве примера такого архетипа можно предложить пространственные конфигурации – пространственные модели взаимного расположения, например, населенных пунктов относительно других пространственных объектов, и аналогичные модели чтения этих пространственных расположений [Рогачев, 2006; Okunev, Ostapenko, 2020, p. 167–178].

Первый этап *бессознательной субъективизации* формирует основную интерпретацию пространства, выраженную в виде устойчивого пространственного опыта (сложившегося из опыта пространственного перемещения) и повествования. На данном этапе при интерпретации пространства происходит идентификация субъективных знаний как объективных [Okunev, Ostapenko, 2020, p. 167–178].

Второй этап – *сознательной субъективизации* – позволяет наблюдателю / испытателю пространства переосмысливать и трансформировать его через идентификацию типа центр – периферия, подключая историческую пространственную память. Здесь следует уточнить, что все манипуляции происходят не с первичным пространством, а с его дублем – коллективным ментальным слоем, производимым в процессе первого этапа [ibid., p. 167–178].

Третий этап – *сознательная объективизация*. На этом этапе возникает подключение политики как среды установки и достижения целей. Подключается пространственное воображение, массовое сознание становится более объективным, популярный дискурс подвергается внедрению индивидуальных представлений деятельных политических акторов [ibid., p. 167–178].

Четвертый этап (высший этап развития геохронодинамики) – *бессознательной объективизации* – характеризуется институционализацией пространственных восприятий в институтах, нормах, символах. Формализованная практика *оказывает* влияние на общество и больше не ощущается как искусственная. Особенностью данного этапа является болезненность любой политической трансформации: не все процессы можно нешоковым способом институционализировать для общества [Okunev, Ostapenko, 2020, p. 167–178].

Процессы интерпретации пространства, закрепление субъективных пространственных представлений в формализованных практиках формируют замкнутый волнообразный цикл, обусловленный пошаговым характером преобразований – «волн» пространственных *геохронополитических* трансформаций.

Критика изначальной модели геохронополитических трансформаций заключается в том, что первоначально упор делался на институционализацию отдельных моделей восприятия пространства. Это способствовало такому развитию событий, где акцент ставился на выборе инкумбентом конкретной модели, удовлетворяющей его интерес.

Властный актор, как в случае Мышкина, имеет возможность выбирать и продвигать определенные интерпретации пространства, опираясь на заложенный отдельными энтузиастами общий тренд на «мышьеизацию» города. Первичным толчком для этого послужила проекция реального мира. Инициализировано было искусственное создание псевдореалистичного мира с привязкой к реальной физической географии. Живучесть «мышиноного» нарратива объясняется безбарьерной средой для мыши, созданием своего рода «мышиноного интернационала». При этом политический актор меняет акценты, подключая политическую составляющую. Искусственно генерализованное «мышиноное царство» наделяется входимостью в территорию медведя, как город Мышкин – столица мышиноного царства – входит в Ярославскую область, на чьем гербе присутствует изображение медведя. Мышиное царство становится стереотипно привязанным к гербу Ярославской области, а в специфической интерпретации пространства в качестве антагониста «мышиноному царству» возникает «зарубежье». Генерализованная собственным названием города мышестолочность в определенных интерпретациях

может принимать вид проекции реального мира: «мышиный» центр на периферии территории медведя – пример центр-периферийных или столично-провинциальных отношений.

Аутсайдер может повлиять на такой способ институционализации, создавая свое восприятие пространства – интерпретацию в контексте собственного дискурса. Получив представление о физическом пространстве, наблюдатель интерпретирует его, присоединяя собственный вариант к уже существующему множеству интерпретаций, что способствует агрегированию такого множества интерпретаций и дискурсов в нарратив. Создание нарратива – отражение проявления геохронополитической трансформации, а новые линии в графе геохронополитической трансформации представляют несколько линий развития / освоения реального географического пространства.

Отношение информанта к данному нарративу затем можно подвергнуть нарративному анализу. Нарратив здесь понимается как структурированный сюжет, больший, чем сумма отдельных дискурсов. Часто это общеразделяемые или общеизвестные паттерны ответа на условный вопрос: «Какова история города?». Этот рассказ поведает слушателю о нарративе, сущностно содержащем наряду с историческими фактами собственное мнение об истории города и пространственных мифах. Наиболее ярким пространственным нарративом здесь является столичность.

Столица как палимпсест: нарративная трансформация

Если география в центр своего внимания ставит материальную (осязаемую и объективно измеряемую) составляющую, то гуманитарная география смотрит на пространство через призму человеческого понимания и восприятия пространства как социально значимой среды, наполненной знаками, значениями и символами.

Семиотический подход в синергии с гуманитарной географией расширяет спектр подходов к пониманию пространства через осмысление знаковых и символьных систем пространственных локаций. Символогенерирующими свойствами может быть наделена каждая точка пространства, обладающая потенциалом культурного ландшафта. В число инструментов конструирования места может быть включено умение человека «считывать» место как

многослойную систему текстов / знаков / смыслов, которые наносились на одну и ту же пространственную локацию и закреплялись в разное время (лежат в различных временных слоях). Знания, опыт, практики, политическое и социальное участие, культура, искусство, национальное самосознание, повседневность, индивидуальные и коллективные представления об окружающем мире – состав палитры, где знаки, символы и значения смешивались как краски и проникали в полотно ландшафта на различную глубину, закреплялись на разное время и доходили до современности в различной степени сохранности. Устойчивость символики конкретного столичного палимпсеста обуславливается ее уникальностью, актуальностью в определенной точке пространства, интегрированностью в повседневности [Трубина, 2011, с. 238, 346].

Интерпретация пространственной локации – «места» – по существу является индивидуальной или коллективной, дополненной символическими значениями концептуализацией одновременно реального физического мира и представления о нем. Такая интерпретация расширяет физическое представление об исходном пространственном объекте, надстраивает его до социально значимого пространственного объекта, превращает его в многослойное и многозначное, но целостное «место» [Митин, 2008, с. 22–23]. Такое целостное место наделяется интерпретирующими его акторами (жителями или туристами; аборигенами или приезжими; деятельными или инертными) устойчивыми представлениями о нем. Исходный стартовый набор информации о пространственном объекте, дополняясь персонифицированным или коллективным восприятием места (данное + новое), генерирует очередное / новое / свежее «представление» о конкретной точке пространства, которое ложится новым слоем социального ландшафта и становится еще одной уникальной характеристикой места. Такую послойную модель «места» Митин называет палимпсестом. Интерпретативный потенциал места велик в силу того, что каждый последующий слой не разрушает предыдущие, сосуществуя с ними, а интерпретаторы, в силу различия опыта, знаний, разницы в целях, будут осуществлять уникальные интерпретации, усматривая различные «фрагменты» слоев, составляя уникальную мозаику множественной реальности «места». Никакой последующий слой не может быть завершающим в силу того, что «место» постоянно переос-

мысливается не только при получении новых «вводных», но и с приобретением интерпретатором нового эмоционального, социального, культурного, утилитарного опыта. Столичный палимпсест – динамическая система, где переменными являются каждое новое значение, интерпретация, символ, знак, стереотип, идентичность, все вместе рожающие идею места, ведь пространство глубоко и буквально, и метафорически укоренено в столицах.

Палимпсест столичного города представляет собой в общем виде синтез нарратива и паттерна, обусловленный внешней и внутренней поляризацией.

Столица как палимпсест – результат сложного процесса наслоения, генерации, продуцирования нарратива, и этот нарратив может сливаться с другими, утрачивать свою часть, как, например, исторически противоречивый касимовский татарский нарратив.

Семиотика политической географии видит одной из своих задач вычленение / создание универсальных схем (паттернов) пространственной организации социального восприятия пространства или, по крайней мере, создание механизмов, делающих такие схемы объяснимыми и сравнимыми.

Иными словами, наблюдая за схожими процессами в разных условиях и средах, семиотик и политгеограф сущностно разрешают одну и ту же проблему в интерпретации увиденного: насколько общие и частные пространственные факторы применимы к альтернативным моделям развития, имеют ли они универсальную природу или различия имеют существенное значение.

Наиболее близким к достижению решения по степени своей оригинальности выступает подход С. Рогачёва, который в рамках российской географической школы предложил методику качественного пространственного анализа.

Ключевым положением данного подхода является моделирование совокупности пространственных отношений на картоид или ментальную карту относительно одного конкретного пространственного объекта: города, реки, горного хребта – или целого региона или территории страны в целом.

Проблемой конкретно этого подхода является привязка к детерминированности пространственных отношений, которая в современной политической географии отвергается как глобальный механизм.

Дополнительно возникает проблема волонтаризма исследователя – составителя картоида, который в поиске объяснения пространственных зависимостей «отбирает» наиболее важные и «влиятельные», по его мнению, объекты. Данная методика к настоящему моменту не имеет рычагов ранжирования географических объектов по их значимости (например, статистической) подобных тем, что есть в количественном пространственном анализе (spatial analysis).

Столицы – необычные города. Их необычность выражается дополнительным (относительно других городов) символическим содержанием. Дискурс столиц наполнен особым нарративом, который сообщает воспринимающему новые смыслы, каждый сгенерированный смысл налагается на прошлые, происходит их взаимопроникновение. Поэтому образ палимпсеста очень удачен в приложении к проблеме понимания столичных городов. Столичная «надстройка» над городом «переписывает» его дискурсивное содержание.

Мы должны подчеркнуть, что наша оптика настроена на «пространство» (как предмет наших изысканий) сразу в двух ракурсах: семиотическом и политико-географическом. В их комбинации скрыты новые возможности понимания явлений, локализованных в пространстве, например, таких как столицы.

Опыт рассмотрения столичных городов ценен для семиотических исследований по нескольким причинам.

Во-первых, столицы сложны и комплексны. Они находятся на стыке множества исследовательских полей, что во многом заставляет исключать их из предметного анализа. А рассмотрение столиц методом аналогии с «черным ящиком» лишь усугубляет эту тенденцию.

Во-вторых, столицы представляют собой знаковые системы, что явным образом включает их в поле семиотики.

В-третьих, изучение столичных городов в долгосрочной перспективе сопряжено не только с новыми дисциплинами, появление которых уже назрело (и произошло: столицеведение и семиотика политической географии), но и с углублением работы по данному направлению во многих смежных отраслях науки, которые можно обозначить как *capital city studies*.

Нашим телосом остается изучение пространства как языка кодировки социального, и подобно криптографам, нам необходимо дешифровать или деконструировать его, чтобы установить и разъяснить механику того, как пространство влияет на наше социальное поведение.

Список литературы

- Замятин Д.Н.* Гуманитарная география : пространство, воображение взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9, № 3. – С. 26–50.
- Замятин Д.Н.* Феномен / ноумен столицы : историческая география и онтологические модели воображения // Перенос столицы : исторический опыт геополитического проектирования : материалы конференции 28–29 октября 2013 г. / отв. ред. И.Г. Коновалова. – Москва : Институт всеобщей истории РАН : Аквилон, 2013. – С. 23–28.
- Максимова А.С.* Формы и следствия музеефикации малого города : кейс Мышкина и Каргополя // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 5. – С. 15–24.
- Митин И.* Воображая город : ускользящий Касимов // Вестник Евразии. – 2007. – № 1. – С. 5–26.
- Митин И.* Место как палимпсест // 60 параллель. – 2008. – № 4. – С. 20–25.
- Овсянников А.А.* Социология столичности : смыслы и стратегии // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 5. – С. 110–115.
- Окунев И.Ю.* Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Культурная и гуманитарная география. – 2012. – Т. 1, № 2. – С. 152–158.
- Окунев И.Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики. – Москва : Аспект Пресс, 2017. – 208 с.
- Окунев И.Ю.* Столицы в зеркале критической геополитики. – 2-е изд., перераб и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2020. – 272 с.
- Окунев И.Ю., Остапенко Г.И.* Вологда и Самара (Куйбышев) как запасные (дипломатические) столицы России : политико-географический анализ // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – Т. 9, № 5/1. – С. 159–172.
- Окунев И.Ю., Остапенко Г.И.* Семиотика столиц. – Москва : МГИМО-Университет, 2021. – 291 с.
- Остапенко Г.И.* Интерпретация пространства : пространственные конфигурации Старой Ладogi // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 97–101.
- Рогачев С.В.* Материалы курса «Уроки понимания карты (основы пространственного анализа)»: лекции 1–4, 5–8. – Москва : Педагогический университет «Первое сентября», 2006. – 56 с.
- Родоман Б.Б.* Научные географические картоиды // Географический вестник. – 2010. – № 2. – С. 88–92.

- Россман В. Столицы : их многообразие, закономерности развития и перемещения. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2013. – 336 с.
- Тисленко М.И. Касимов и Мышкин : как пространственная идентичность делает одни города более стolicными, а другие – нет // Сравнительная политика. – 2015. – Т. 6, № 4. – С. 113–115.
- Трубина Е.Г. Город в теории : опыты осмысления пространства. – Москва : Новое литературное обозрение. 2011. – 520 с.
- Юдин Г.Б., Колошенко Ю.А. Стратегии производства туристического опыта в малом городе : локальное сообщество и символическое конструирование в городе Мышкин // Лабиринт : журнал социально-гуманитарных исследований. – 2014. – № 5. – С. 5–14.
- Dijkink G. Geopolitical codes and popular representations // GeoJournal. – 1998. – Vol. 46, N 4. – P. 293–299.
- Okunev I., Ostapenko G. Symbolism of capital cities : field research of stateless capitals // Territorio. – 2020. – N 94. – P. 167–178.
- Patterson M., Monroe K.R. Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science. – 1998. – Vol. 1. – P. 315–331.
- Rapoport A. On the Attributes of Tradition // Dwellings, Settlements and Tradition (Cross-Cultural Perspectives) / J.-P. Bourdier, N. Al Sayyad (eds.). – Lanham, MD : University Press of America, 1989. – P. 77–105.
- Roucek J.S. Geopolitics of Poland // American Journal of Economics and Sociology. – 1948. – Vol. 7, N 4. – P. 421–427.
- Treivish A.I., Zotova M.V., Savchuk I.G. Types of Cities in Russia and Across the Globe // Regional Research of Russia. – 2014. – Vol. 4, N 2. – P. 90–94.

References

- Zamjatin, D.N. (2010). Gumanitarnaja geografija: prostranstvo, voobrazhenie vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk. In: *Sociologicheskoe obozrenie*, 9(3), (pp. 26–50).
- Zamjatin, D.N. (2013). Fenomen / noumen stolicy: Istoricheskaja geografija i ontologicheskie modeli voobrazhenija. In: I.G. Konovalova (ed.), *Perenos stolicy: Istoricheskij opyt geopoliticheskogo proektirovanija. Materialy konferencii 28–29 oktjabrja 2013 g.* (pp. 23–28). Moscow : Institut vseobshhej istorii RAN : Akvilon.
- Maksimova, A.S. (2014). Formy i sledstvija muzeifikacii malogo goroda: kejs Myshkina i Kargopolja. In: *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, (5), (pp. 15–24).
- Mitin, I. (2007). Voobrazhaja gorod: uskol'zajushhij Kasimov. In: *Vestnik Evrazii*, (1), (pp. 5–26).
- Mitin, I. (2008). Mesto kak palimpsest. In: *60 parallel'*, (4), (pp. 20–25).
- Ovsjannikov, A.A. (2009). Sociologija stolichnosti: smysly i strategii. In: *Vestnik MGIMO–Universiteta*, (5), (pp. 110–115).

- Okunev, I. Ju. (2012). Kriticheskaja geopolitika i postkriticheskij sdvig v issledovatel'skoj paradigme geopolitiki. In: *Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija*, 1(2), (pp. 152–158).
- Okunev, I. Ju. (2017). *Stolicy v zerkale kriticheskoj geopolitiki*. Moscow : Aspekt Press.
- Okunev, I. Ju. (2020). *Stolicy v zerkale kriticheskoj geopolitiki. 2-e izd., pererab i dop.* Moscow : Aspekt Press.
- Okunev, I. Ju., Ostapenko, G.I. (2017). Vologda i Samara (Kujbyshev) kak zapasnye (diplomaticheskie) stolicy Rossii: politico-geograficheskij analiz. In: *Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'*, 9(5/1), (pp. 159–172).
- Okunev, I., Ostapenko, G. (2021). Semiotika stolic. Moscow : MGIMO-Universitet.
- Ostapenko, G.I. (2015). Interpretacija prostranstva: prostranstvennyje konfiguracii Staroj Ladogi. In: *Sravnitel'naja politika*, 6(4), (pp. 97–101).
- Rogachev, S.V. (2006). *Materialy kursa «Uroki ponimanija karty (osnovy prostranstvennogo analiza)»: Lekcii 1–4, 5–8.* Moscow : Pedagogicheskij universitet «Pervoe sentjabrja.
- Rodoman, B.B. (2010). Nauchnye geograficheskie kartoidy. In: *Geograficheskij vestnik*, (2), (pp. 88–92).
- Rossman, V. (2013). *Stolicy: ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitija i peremeshhenija.* Moscow : Izdatel'stvo Instituta Gajdara.
- Tislenko, M.I. (2015). Kasimov i Myshkin: kak prostranstvennaja identichnost' delaet odni goroda bolee stolichnymi, a drugie – net. In: *Sravnitel'naja politika*, 6(4), (pp. 113–115).
- Trubina, E.G. (2011). *Gorod v teorii: opyty osmyslenija prostranstva.* Moscow : Novoe literaturnoe obozrenie.
- Judin, G.B., Koloshenko, Ju.A. (2014). Strategii proizvodstva turisticheskogo opyta v malom gorode: lokal'noe soobshhestvo i simvolicheskoe konstruirovanie v gorode Myshkin. In: *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, (5), (pp. 5–14).
- Dijkink, G. (1998). Geopolitical codes and popular representations. In: *GeoJournal*, 46(4), (pp. 293–299).
- Okunev, I., Ostapenko, G. (2020). Symbolism of capital cities: field research of stateless capitals. In: *Territorio*, (94), (pp. 167–178).
- Patterson, M., Monroe, K.R. (1998). Narrative in Political Science. In: *Annual Review of Political Science*, (1), (pp. 315–331).
- Rapoport, A. (1989). On the Attributes of Tradition. In: J.-P. Bourdier, N. Al Sayyad (eds.), *Dwellings, Settlements and Tradition (Cross-Cultural Perspectives)*, 77–105. Lanham, MD : University Press of America.
- Roucek, J.S. (1948). Geopolitics of Poland. In: *American Journal of Economics and Sociology*, 7(4), (pp. 421–427).
- Treivish, A.I., Zotova, M.V., Savchuk, I.G. (2014). Types of Cities in Russia and Across the Globe. In: *Regional Research of Russia*, 4(2), (pp. 90–94).